

КОНФЕРЕНЦИИ

Хрулева И.Ю.¹

Межфакультетский круглый стол «Права человека в США и Западной Европе: исторический и юридический аспекты»

Ключевые слова: круглый стол, США, Западная Европа, права человека

Key words: round table, the United States, Western Europe, human rights

15 марта 2016 года исторический и юридический факультеты МГУ имени М.В. Ломоносова провели межфакультетский круглый стол «Права человека в США и Западной Европе: исторический и юридический аспекты». Инициаторами и организаторами этого совместного заседания выступили доцент юридического факультета МГУ, к.ю.н. **Наталья Владимировна Ильютченко** и доцент исторического факультета МГУ, к.и.н. **Ирина Юрьевна Хрулёва**, которые открыли работу круглого стола, отметив многолетние традиции плодотворного научного сотрудничества двух факультетов и возможности междисциплинарных исследований.

Н.В. Ильютченко и И.Ю. Хрулева в зале заседаний Ученого совета юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

¹ *Хрулева Ирина Юрьевна* - кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

И.Ю. Хрулёва отметила значимость для исторических исследований юридических материалов – законов, судебных решений и практики. Политические системы, утвердившиеся в странах Западной Европы и Америки, прошли длительный путь становления и эволюции. Многие идеи, которые стали неотъемлемой частью понятия «правого государства», были провозглашены в эпоху раннего нового времени, но для их реализации потребовалось длительное время. Историкам всегда важен исторический контекст, когда принимались те или иные законы, выносились судебные решения; необходимо учитывать состояние общественного мнения, общественно-политическую и экономическую ситуацию в стране, оценить подлинную или мнимую независимость судебной системы.

В своем выступлении, посвященном Конституционным правам граждан Германии (ФРГ) в 1871-1949 гг., магистрант Исторического факультета *Матвей Пенькин* отметил, что история объединенной Германии после 1871 года насыщена совершенно противоречивыми событиями и процессами. Государство переживало как времена высочайшего расцвета, так и катастрофического упадка, что, безусловно, связано с двумя мировыми войнами, инициатором которых она являлась. Тем не менее, Основной Закон (или конституция) каждого нового периода Германии создавались как один из самых близких к демократическим идеалам законодательных актов своей эпохи. Безусловно, документы такого рода являются одними из самых изучаемых источников права. Именно поэтому в докладе была рассмотрена историческая специфика формирования трех германских конституций — Конституции Германской империи 1871 года, Веймарской конституции 1919 года (и её существование в период Третьего Рейха), а также Основного Закона ФРГ 1949 гг. Подобный взгляд на эти источники позволил разъяснить исторические обстоятельства принятия тех или иных статей конституций, а также объяснить причины трансформации основного законодательного акта Германии в различные периоды жизни этого государства. М.Пенькин попытался провести параллель между теоретическими представлениями политиков и юристов, изложенных в конституциях, и исторической реальностью каждой из трех эпох, а также с фактическим положением дел в стране и мире на данный момент времени. Особое внимание было уделено национальному аспекту, а также разнице в возможностях участия граждан в политической жизни государства в каждой из обозначенных эпох.

Выступление магистранта исторического факультета *Павла Князева* – «Билль о правах» 1689 г.: обстоятельства принятия и историческое значение – было посвящено одному из поворотных моментов английской истории и важной вехе в процессе эволюции британской монархии: «Славной революции» 1688-1689 гг., в ходе которой был смещен король Яков II Стюарт, а на престол впоследствии взошли голландский статхаудер Вильгельм III Оранский и супруга последнего, дочь короля Мария. Участники переворота свергли короля, не уничтожив института монархии, что определило специфику «Славной революции». Тем не менее, после переворота произошли серьезные перемены: был принят ряд законов, которые закрепили итоги революции, а также создали важные предпосылки для усиления власти

парламента. В докладе была рассмотрена история создания и основные положения одного из таких актов – знаменитого «Билля о правах». П.Князев проанализировал структуру и содержание этого документа в контексте событий 1688-1689 гг. и показал, почему создание текста «Билля о правах» прошло несколько этапов. В своем выступлении П.Князев рассмотрел, какую роль данный акт сыграл в легитимации новой власти, проследив его связь с более ранними документами, принятыми Палатой лордов и Палатой общин в ходе «Славной революции», обратив внимание на особенности языка документа, а также на его структуру, изучив, какую роль в тексте документа играло обоснование низложения Якова II, описание прав и свобод, а также порядок управления страной и наследования престола. Докладчик показал, как в «Билле о правах» 1689 г. отразился компромиссный характер «Славной революции» и как этот акт повлиял на развитие английской монархии.

Доклад магистранта юридического факультета *Заиры Курбановой* был посвящен многочисленным проектам реформы Палаты лордов в XX-XXI вв. В начале своего выступления З.Курбанова отметила, что XX век – начало новой эпохи в существовании и функционировании верхней палаты английского парламента. Необходимость преобразований была предопределена тем, что традиционный политический институт, каковым являлась Палата лордов, перестал вписываться в стандарты нового времени. Стало ясно, что необходима модернизация верхней палаты в соответствии с демократическими началами, присущими новой эпохе. Отправным пунктом в модернизации верховной власти страны стал конституционный кризис 1905-1911 гг. 21 февраля 1911 года, после созыва нового парламента, премьер-министр внес в Палату общин рассмотренный и поправленный Палатой лордов билль о парламенте. Он был рассмотрен в трех чтениях и одобрен до 15 мая, причем поправки лордов полностью отвергались. Главный итог – замена абсолютного вето в отношении решений Палаты общин отлагательным. В 1949 году Акт о парламенте 1911 года был изменен – срок отлагательного вето сократился до одного года. Консервативное правительство премьера Макмиллана в 1958 году внесло в Парламент законопроект о пожизненных пэрах, ставший впоследствии Актом о пожизненных пэрах 1958 года. Он предоставил возможность Ее Величеству «жаловать посредством патентной грамоты любому лицу звание пожизненного пэра». Осуществлялось это по совету Премьер-министра. Право заседать в Палате лордов прекращалось со смертью пэра и не передавалось по наследству. Параграф 3 статьи 1 утвердил важное нововведение: отныне пэрство могло быть пожаловано женщине. Согласно Акту о пэрстве 1963 года, все пэрессы, получившие титул по наследству, были приняты в Палату Лордов наряду со всеми шотландскими пэрами. Система шотландских представительных пэров была упразднена. Лицо, наследующее пэрский титул, может отказаться от него в течение одного года со дня получения или же по достижении совершеннолетия. Титул, в случае отказа, передавался после его смерти наследнику. Конец XX и начало XXI века, несомненно, стали еще более переломными: изменился состав Палаты, ставший, как считают многие

исследователи, наиболее демократичным. Правительство Т.Блэра уже 19 января 1999 г. внесло в Палату общин и добилось принятия в первом чтении короткого Законопроекта о реформе Палаты лордов. Он предусматривал исключение из верхней палаты Парламента всех носителей наследственных титулов, что автоматически означало и лишение их всех привилегий, связанных с членством в Палате, но не затрагивало других прав, на которые они могли претендовать, так как были владельцами титулов. Взамен все исключённые пэры получали право избирать и быть избранными в Палату общин. Отныне наследственные пэры должны были избираться, а их число сократилось до 92. Реформа стала самой радикальной в истории Палаты. Далее последовало принятие Акта о конституционной реформе 2005 года. Он предусматривал создание Верховного Суда, которому были бы переданы судебные функции Палаты лордов и Судебного комитета Тайного совета. Верховный Суд займется также вопросами соответствия законодательства Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии правовым нормам Соединенного Королевства. Должность лорда-канцлера как главы судебной власти была устранена. 1 октября 2009 года начал свою работу Верховный Суд Королевства.

Серию выступлений, посвященных судебной практике и законодательству Соединенных Штатов, открыла соискатель кафедры новой и новейшей истории *Ирина Ковалева*, представив доклад «Формирование единой судебной системы в США как компромисс сторонников сильного федерального центра и расширенного толкования прав штатов». Когда тринадцать бывших английских колоний приняли решение объединиться в единое государство, выяснилось, что между ними существует очень много противоречий. Поэтому Конституция США – документ-компромисс, который должен был сбалансировать интересы всех региональных и экономических групп, создать такую систему органов государственной власти, которая, будучи эффективной, не позволит центру наступать на права отдельных штатов и их элит. В тексте Конституции были четко определены принципы формирования и полномочия только исполнительной и законодательной ветвей власти, а о судебной говорилось лишь

в общих словах. Чтобы восполнить этот пробел, Конгресс первого созыва назначил комиссию, которая должна была разработать принципы функционирования судебной системы. Итогом ее работы стал Закон о судоустройстве (1789 г.), который создал трехзвенную систему федеральных судов. Закон закрепил верховенство центрального правительства в области судоустройства и судопроизводства над отдельными штатами, что вызывало опасения сторонников расширенного толкования прав штатов. Поэтому следом за ним в Конгресс был внесен проект поправок к Конституции, призванных гарантировать соблюдение прав и свобод человека – так называемый Билль о правах (вступили в силу в 1791 году). Закон о судоустройстве и Билль о правах должны были уравновесить друг друга. Централизованная система федеральных судов укрепляла власть федерального правительства, а первые десять поправок накладывали ограничения на органы власти, чтобы удержать центр от злоупотреблений и сделать невозможным нарушение прав отдельных граждан и прав вошедших в союз штатов.

В своем докладе «Концепция «живой конституции» в США» магистрант юридического факультета *Екатерина Ястребова* отметила, что на практике и в теории юристы как континентальной, так и англо-саксонской систем права часто сталкиваются с проблемой толкования закона, толкования права как такого. Изучение концепции "живой конституции" в США позволяет глубже проникнуть в самую суть конституционного строя этого государства, понять причины и источники его эволюционного развития с учетом того, что Конституция США 1787 г. - это первый в мире действующий Основной Закон государства. В этой стране существует множество концепций интерпретации конституции, которые, в свою очередь, основываются на определенных типах правопонимания. Правопонимание, как принято считать является некий симбиоз, определенное соотношение права и власти, права и силы, права и буквы закона.

Доклад магистранта юридического факультета *Анны Трошкиной* «Защита американской государственности посредством ограничения свободы слова» был посвящен рассмотрению целого ряда судебных прецедентов, регулирующих свободу слову в США. В своем выступлении А.Трошкина отметила, что решение по делу Джона Питера Зингера стало прецедентным в отношении защиты от обвинения в клевете правдой. Основанием для такого обвинения была критика королевского губернатора, которая была признана справедливой несмотря на то, что приводила к осмеянию его действий. Казалось бы, это должно было стать одним из руководящих принципов реализации свободы слова, однако в 1798 г. был принят Закон о подрывной деятельности (Sedition Act of 1798), который в целях воспрепятствования распространению революционных настроений запрещал любую критику правительства, Конгресса и Президента под угрозой уголовного преследования, что в значительной мере ограничивало свободу слова. Дело Джейкоба Эбрамса и Дело Юджина Дэбса – иллюстрация легального ограничения свободы слова на основании Закона о шпионаже (1917), Закона о призыве к мятежу (1918) и Акта о подрывной деятельности (1918). Целью принятия данных законов

было укрепление авторитета правительственной власти, сохранение порядка в армии, предотвращение распространения прогерманских настроений и благоприятствование удаленному участию в ведении войны. Однако все пути достижения намеченных целей были построены через ограничение свободы слова, что иллюстрируют вышеназванные дела. Дело о «великом подстрекательстве к мятежу» (1944) и процессы над членами Коммунистической партии США согласно Акту о мятеже (1940) запрещали подстрекательство к свержению власти, консультирование или преподавание необходимости, желательности или правильности свержения правительства. Однако преследованию первоначально подверглись общественные объединения, заподозренные в приверженности к нацистской идеологии, а впоследствии и коммунистической. Таким образом, с одной стороны ограничение свободы слова было направлено на предотвращение свержения власти и на защиту государственности, а с другой, на запрет любого отличного от официально принятого понимания развития государства и общества. Наконец, кардинальные изменения в вопросе критики правительства и государственной политики произошли в результате дела *New York Times v Sullivan*. Были выработаны новые принципы регулирования свободы слова на этапе отсутствия необходимости защиты государственности от внешнего вмешательства.

В докладе магистранта кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета *Галина Геворкян* «Законодательное решение проблемы сегрегации в США в 1964 г.» показано, что процесс формирования политической культуры чернокожего населения США был связан с борьбой афроамериканцев за свои гражданские права, политическую идентичность и равноправное участие в экономической, социальной культурной жизни страны. В связи с этим исследование различных аспектов развития афроамериканского фактора, его сущности и способов влияния на политическую культуру и политический процесс современной Америки необходимо для выявления особенностей законодательных решений проблемы сегрегации в 1960-х гг. Серьезные законодательные инициативы, нацеленные на достижение равноправия, начали подготавливаться при администрации Джона Фицджеральда Кеннеди; после его смерти они были продолжены 36-м президентом США Линдоном Бэйном Джонсоном. Принятие закона о гражданских правах 1964 года положило начало новой эпохе, когда фактически ушла в прошлое легальная, то есть основанная на законах штатов, дискриминация черного населения страны. Формально расовая сегрегация отменена, однако процесс социального выравнивания занимает не одно десятилетие, и некоторые её проявления встречаются и сегодня. Тем не менее, 1964 год положил начало осуществлению мечте М. Л. Кинга и миллионов афроамериканцев о равноправии.

В выступлении магистранта юридического факультета *Сергея Афанасьева* «Свобода религии в США через призму решений Верховного Суда» отмечалось, что в современном мире свободное исповедование любой религии является, с одной стороны, исключительным достижением, а с другой – ценностью, которая требует серьезной правовой защиты. Впервые на конституционном уровне свобода

религии (в российской науке – свобода совести и вероисповедания) была закреплена в американском Билле о правах человека 1791 г. До 1940-х гг. Верховный Суд достаточно пассивно относился к защите конституционной свободы религии, оставляя это на «откуп» штатов. Однако после середины XX в., на волне признания распространения Билля о правах на власти штатов (в свете 14 поправки), Суд занимает активную позицию и принимает решения, которые практически повернули всю практику реализации свободы религии. Примеры конкретных дел показывают, что в практике Верховного Суда США находят отражения те или иные аспекты свободы религии, а также постепенно развивается концепция разделения и различного законодательного отношения к убеждениям и к действиям. Стоит отметить, что толкование Судом свободы вероисповедания является ярким примером процесса слияния, синтеза в судебной системе – мы видим, как Суд, то продвигаясь вперед, то отступая назад в некотором колебательном движении между разными оценками, постепенно формирует общий курс, ведущий к определенной цели. Суд признал широкое право без препятствий со стороны властей следовать своей религии – права, изложенного в Первой поправке и подкрепленного ограничением действий властей всех уровней, закрепленным в 14 поправке.

Закрывало работу круглого стола выступление магистрата юридического факультета *Анны Швец* «Судебная защита прав и свобод личности в США и Западной Европе». В своем докладе А.Швец отметила, что наиболее эффективным институтом судебной защиты прав человека в современном демократическом государстве и обществе является конституционное правосудие. Оно возложено на судебные или квазисудебные органы (в зависимости от модели конституционного контроля), наделенные полномочиями осуществлять конституционный контроль и обеспечивать своей деятельностью верховенство конституции и приоритет прав и свобод человека. Невозможность обеспечить абсолютный характер конституционных прав остро ставит перед судами проблему соотношения частных и публичных интересов. В XXI веке она приобрела практическое измерение, связанное с инструментальными подходами к разрешению споров о конституционности вводимых законодателем ограничений основных прав. Среди инструментальных методов оценки конституционности ограничений тех или иных прав личности можно выделить два основных: применение судами принципа пропорциональности (Западная Европа) или взвешивания интересов (США). Несмотря на различия систем права, в которых они используются, они довольно схожи и в конечном счете преследуют одни и те же цели. Интересно, что при этом само по себе отношение в этих двух системах к правам и свободам человека довольно сильно отличается: в Западной Европе он ориентирован на индивидуальный подход к каждому конкретному делу и разработку выверенных механизмов для осуществления взвешивания, а в США – в большей степени основан на толковании Конституции Верховным Судом, и в частности спецификации явлений, которые предстоит взвешивать: отдельные права приобретают уникальный статус, подчеркивающий их особую важность и значимость.

Однако, несмотря на разные базисы и пути развития, в своих актуальных формах доктрины приходят к сходным тестам и сходному пониманию баланса конституционных ценностей.

Организаторы и участники межфакультетского круглого стола «Права человека в США и Западной Европе: исторический и юридический аспекты»